Гехт Антон Борисович

НЕКОТОРЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СТОЛБОВСКОГО МИРНОГО ДОГОВОРА ДЛЯ ШВЕЦИИ В 1617 - 1690-Х ГГ

Данная статья посвящена рассмотрению основных последствий заключения Столбовского мирного договора для Швеции в период 1617-1690 гг. Анализируются социально-демографическая, экономическая и военно-политическая сферы. Автором выделяется тот факт, что Столбовский мир - первый в ряду серии выгодных для Швеции мирных договоров, закрепивших за королевством статус великой европейской державы. Именно это соглашение является отправной точкой для многих политических и экономических процессов, отразившихся на внутренней и внешней политике Швеции XVII в.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2014/8/9.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2014. № 8 (86). С. 55-60. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2014/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 94
Исторические науки и археология

Данная статья посвящена рассмотрению основных последствий заключения Столбовского мирного договора для Швеции в период 1617-1690 гг. Анализируются социально-демографическая, экономическая и военно-политическая сферы. Автором выделяется тот факт, что Столбовский мир – первый в ряду серии выгодных для Швеции мирных договоров, закрепивших за королевством статус великой европейской державы. Именно это соглашение является отправной точкой для многих политических и экономических процессов, отразившихся на внутренней и внешней политике Швеции XVII в.

Ключевые слова и фразы: Швеция; Столбовский мирный договор; Ингерманландия; Ниен; Ниеншанц.

Гехт Антон Борисович
Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича
a.geht@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СТОЛБОВСКОГО МИРНОГО ДОГОВОРА ДЛЯ ШВЕЦИИ В 1617 – 1690-Х ГГ.©

В изучении истории Швеции XVII век занимает особое место. В течение этого столетия Швеция вошла в число важнейших держав на политической арене Европы, ведя интенсивную внешнюю политику, направленную на установление своего доминирования на Балтийском море. В XVII в. отношения Швеции с ближайшим соседом, Россией, играли очень важную роль во внешней политике Шведского королевства. Дипломатические связи двух государств в первой половине XVII в. опирались на заключенный 27 марта 1617 г. Столбовский мирный договор, который стал началом нового периода в истории внешнеполитических связей России и Швеции. Столбовский трактат – первый в ряду серии выгодных для Швеции мирных договоров, закрепивших за королевством статус великой европейской державы. Именно это соглашение является отправной точкой для многих политических и экономических процессов, отразившихся на внутренней и внешней политике Швеции XVII в. Таким образом, изучение последствий Столбовского мирного договора для Швеции в XVII в. является актуальной исторической задачей, имеющей большое значение для осмысления опыта преобразований в политической, экономической и социальной сферах, приведших к доминированию шведского королевства в регионе Балтийского моря на протяжении второй половины XVII в.

Итогом шведского военного присутствия на Северо-Западе России во время Смутного времени начала XVII в. стал вооруженный конфликт, продолжавшийся до 1617 г. Отсутствие крупных военных успехов, угроза затяжной войны с Россией и наличие планов возобновить борьбу с Польшей за Прибалтику вынудили Швецию приступить к мирным переговорам [17, s. 102]. Российская сторона также не имела ресурсов для продолжения борьбы. 27 февраля 1617 г. был подписан мирный договор между Россией и Швецией, получивший название Столбовского мира.

Согласно тексту договора, стороны были должны:

1. предать вечному забвению все конфликты, происходившие между государствами в период между Тявзинским миром и Столбовским соглашением (т.е. с 1695 по 1617 гг.);
2. возвратить России захваченные Швецией в годы Смуты Великий Новгород и его окрестности, в том числе Старую Руссу, Ладогу, Порхов, Гдов с уездами, а также Сумерскую волость (современный Сланцевский район Ленинградской области) и всё захваченное шведской стороной на этой территории казённое и церковное имущество [4, с. 219];
3. отдать Швеции бывшие русские владения в Ингерманландии, а именно крепости Ивангород, Орешек, Ям, Копорье, Корела и окрестности реки Невы (т.е. весь выход к Балтийскому морю), с предоставлением местному лично свободному населению двухнедельного срока на переход в русские земли [19, s. 133]. Москва отказывается от претензий на Ливонию и Карельский уезд (Кексгольмский лен);
4. Россия обязывалась выплатить Швеции контрибуцию в размере 20 000 серебряных рублей (около 1000 кг серебра), предварительно взяв данную сумму в кредит у Англии [Ibidem, s. 138];
5. утвердить право свободной торговли для коммерсантов обеих сторон. Шведским торговцам не дозволялось ездить с товарами через Московское государство в Персию, Турцию и Крым, московским купцам было запрещено провозить товары через Швецию в Англию, Францию и другие западноевропейские страны. В обеих странах возобновлялась деятельность торговых представительств – «торговых дворов» [12, с. 86-87];
6. не переманивать перебежчиков из-за рубежа и передавать тех, кто уже перешёл границу [19, s. 139];
7. провести границу по Ладожскому озеру и о. Пейпус [Ibidem].

Столбовский мир был чрезвычайно выгоден Швеции. Теперь она обладала всем побережьем Финского залива от Нарвы до Карельского перешейка, при этом Россия оказывалась отрезанной от Балтийского моря. Русская сторона не имела возможности торговать с Западной Европой на Балтике напрямую, без шведского

© Гехт А. Б., 2014

посредничества. С новыми восточными границами Швеция делала большой шаг на пути превращения Балтийского моря во «внутреннее озеро» шведского королевства.

Выступая в шведском парламенте, риксдаге, 26 августа 1617 г., король Густав II Адольф утверждал, что благодаря захваченным крепостям и территориям вблизи них «в Финляндии и Эстляндии можно жить спокойно и в безопасности от русских не только в мирные времена, но и во время открытых военных действий» [8, с. 146]. Шведский монарх подчеркивал, что теперь вся морская торговля России на Балтике находится под его контролем: «Теперь без нашего позволения русские не могут выслать ни одной лодки в Балтийское море» [9, с. 138]. По словам шведского короля, Финляндия теперь надежно отделена от России Ладожским озером: «Я возлагаю надежды на Господа, что отныне русскому будет трудно перебежать или перескочить через этот ручеёк» [14, с. 27]. Как видно из приведенных цитат, Густав II Адольф считал Столбовский договор не просто крупной победой шведской армии и дипломатии, а настоящим триумфом шведского государства. Но оправданны ли были представления шведского короля?

Социально-демографические последствия Столбовского мира

В числе причин, приведших к завоеванию Ингерманландии, важную роль играли соображения не только стратегического, но и экономического толка – важнейшей внешнеполитической целью Швеции являлось получение контроля над морской торговлей в регионе Балтийского моря. Местоположение Ингерманландии дало Швеции возможность получать прибыль как от продажи товаров в Россию, так и от сбора пошлин с русской внешней торговли на Балтике, традиционно проходившей через прибалтийские гавани. Для увеличения объема доходов, поступающих с новых территорий государства, была необходима комплексная модернизация Ингерманландии, в первую очередь, – развитие транспортных коммуникаций внутри региона и создание системы оборудованных портов вблизи границы, на основе которых можно было бы развивать транзитную торговлю. Однако события Ливонской войны и Смутного времени привели к запустению приневских земель. Это состояние было многократно усилено оттоком населения с новых для Швеции территорий.

Согласно условиям Столбовского мира, дворяне, дети боярские, посадские люди (горожане) и монахи, проживавшие на русских землях, отошедших к шведам, имели право выехать из Ингерманландии в двухнедельный срок. Крестьяне и приходские священники такого права не имели и были обязаны оставаться жить под властью Стокгольма [4, с. 224].

Нежелание крестьян (как русских, так и карелов, ижоры и др.) оставаться на прежнем месте в значительной степени объяснялось гонениями на православное вероисповедание. Именно в православии шведские власти видели немало угроз для себя. С одной стороны, православие объединяло этнически разнородных русских, карел и другие народы, раньше жившие на этих землях в составе России. С другой стороны, православие позволяло местному населению, вынужденному остаться под властью Швеции, противопоставлять себя оккупантам на основе различия вер и надеяться на возможную помощь Москвы.

Несмотря на отсутствие официальных актов, направленных против православного населения, на местах проводимая шведскими властями и духовенством политика носила выраженный антиправославный характер: преследование православных священнослужителей, навязывание принятия лютеранства и т.д. [14, с. 28]. Например, если дворянин отказывался переходить в лютеранство, его могли лишить имений [13, с. 465]. Принимавших лютеранство крестьян освобождали от государственных повинностей. В православные приходы наряду с православными священниками стали назначаться лютеранские пасторы. Вскоре на место умерших православных священников стали назначать лютеранских пасторов [2, с. 36].

Тем не менее, невзирая на усилия шведских властей, местное население в основном продолжало исповедовать православие. Так, наместник Кексгольмского уезда Генрих Споре в письме королю от 8 августа 1624 г. жаловался, что местные жители не желают переходить в лютеранство. Генерал-губернатор Морнер в донесении от 1650 г. утверждал, что «всё усердие, искусство и различные способы, применённые для обращения русских [в лютеранство] пропали даром» [13, с. 470]. Основным следствием принудительных действий шведских властей стало массовое бегство крестьян на восток и опустение новых шведских владений. Отток населения продолжался и несмотря на угрозу смертной казни за попытку бегства в Россию, введенную с 1628 г. [2, с. 38]. К 1636 г. количество крестьян, бежавших в Россию, превысило 10 тысяч человек, к 1650 г. – 25 тысяч человек [Там же, с. 44]. Для понимания масштаба оттока населения со шведских территорий можно привести численность всего населения Ингерманландии, которой шведская администрация смогла добиться к концу XVII века, – около 60 тысяч человек [14, с. 28]. Пытаясь помешать переселению, шведская сторона требовала от России возвращения беглецов. С одной стороны, согласно Столбовскому договору, Россия была обязана выдавать перебежчиков, однако на практике русские власти принимали беженцев и оказывали им покровительство. В основе лежали и идейные (помощь православным, пострадавшим от иноземцев), и экономические причины – переселенцы из Ингерманландии облегчали задачу заселения земель, разорённых и опустевших в ходе Смутного времени [13, с. 468]. С целью сохранения нормальных отношений со Швецией русские власти делали вид, будто пытаются разыскивать и возвращать переселенцев обратно за рубеж, но при этом по возможности их укрывали [19, s. 138].

Для компенсации массового исхода крестьян в Россию были созданы условия для переселения новых жителей в Ингерманландию. С 1617 г. Густав II Адольф начал жаловать новые земли дворянам и призывать их переносить свои имения на восток: «Хватит тесниться, спорить за землю и мучиться. Перебирайтесь

на эти земли и расчищайте для себя их, сколько пожелаете, и насколько хватит возможностей каждого» [4, с. 224].

Призывая дворян к переселению в Ингерманландию, шведский король утверждал: «Я предоставлю вам все привилегии и свободы, окажу помощь и всяческое покровительство» [13, с. 487]. С течением времени шведские дворяне перенесли часть своих имений в Ингерманландию, переведя некоторых работавших на них крестьян в свои новые владения. Кроме того, для увеличения числа жителей в Ингерманландию с 1620 г. стали ссылать часть преступников (в первую очередь браконьеров и других не сильно опасных правонарушителей). Однако количество шведских и финских поселенцев на приобретенных территориях было небольшим. Шведский король не побуждал к переселению на восток крестьян из самой Швеции. Это объяснялось характерной для Швеции низкой плотностью населения в большинстве районов страны, отток рабочих рук нанес бы государству серьезный экономический урон.

Для более эффективного роста численности населения без угрозы для экономики страны шведский монарх распространил свои пожалования и на жителей северной Германии. Несмотря на то, что в качестве поощрения переселенцы на несколько лет освобождались от налогов и податей, количество немецких колонистов в Ингерманландии было небольшим, многие не смогли освоиться из-за трудных условий и возвращались обратно [1, с. 216-218]. В то же время, среди горожан, стоявших во главе города, и среди крупных предпринимателей Ниена количество выходцев из Германии было достаточно велико.

Экономические последствия Столбовского мира

С захватом русских земель, расположенных вблизи Балтики, перед шведами встали новые задачи – развитие русско-шведской торговли, с одной стороны, и контроль над русской внешней торговлей с Европой, с другой. С перемещением границы на восток для успешного развития русско-шведской торговли в Ингерманландии у шведских властей появилась необходимость в контроле над движением судов по р. Неве.

Для укрепления своих позиций в новоприсоединенной Ингерманландии в 1610-1611 гг. шведы начали строительство укреплений на берегах Невы, получивших название Нюенсканс (в русской исторической традиции – Ниеншанц). Вблизи крепости началось строительство поселения, впервые упомянутого в 1617 г. под именем Ниен (шв. Нюен). Новый город должен был стать важным центром для торговли с Россией. Его строительство являлось этапом в шведской политике, направленной на вовлечение в сферу своего торгового влияния районов Северо-Западной и Западной России при помощи пограничного города, связанного с системой внутренних водных путей России. Для этих целей не подходили другие пограничные центры торговли вроде Нарвы, поэтому развитию приневского Ниена шведское правительство стало придавать достаточно большое значение, также преследуя цель большего освоения Ингерманландии.

В 1632 г. поселение получило импульс к развитию: Густав II Адольф даровал ему статус города и освободил на шестилетний срок от взимаемых податей. Быстрое развитие приграничного Ниена вызвало противодействие со стороны Ревеля, ощущавшего определенный экономический урон. Следствием недовольства ревельского купечества стал запрет шведского правительства для идущих с запада иностранных судов проходить, минуя Ревель, в Ниен и разгружать и загружать там товары [Там же, с. 45-47]. Но достаточно быстрый рост Ниена и усиление его роли в экономике Швеции привели к отмене данного запрета уже в 1638 г.: городу было разрешено вести международную торговлю с европейскими купцами [18, p. 73].

К середине 1640-х гг. 20% прибывавших в город кораблей (всего 112 в 1645 г.) принадлежали германским, голландским и английским коммерсантам [16, p. 183], из чего можно сделать вывод о заметной роли Ниена в морской торговле на Балтике и об определенных успехах Швеции в её попытках перенести внешнюю торговлю России из Архангельска на Балтику. К 1642 г. в Ниене насчитывалось порядка 500 жителей, из них около 70 бюргеров (обладавших полным объемом прав горожанина). Ниен быстро стал одним из крупнейших городов в восточной части шведского королевства, несмотря на определенную удаленность города от других торговых центров и труднодоступность со стороны моря [14, с. 38].

Одним из подтверждений нового статуса Ниена была выдача герба, на котором была изображена фигура льва, стоящего между двумя реками с мечом в правой лапе. Население города продолжало увеличиваться, и во второй половине XVII в. по числу жителей Ниен уступал только Або и Выборгу, что подтверждало его роль важного торгового центра. Свою наиболее завершенную форму права и привилегии Ниена приняли в 1647 г., когда королева Кристина вновь подтвердила привилегии города, ставшего к этому времени важным участником торговли между Россией и Европой. В 1648 г. был заключен союз транзитной торговли между Ревелем, Нарвой и Ниеном, касавшийся экспорта и импорта европейских и российских товаров [15, p. 152]. Главной целью этого союза являлась концентрация всей торговли с Россией на берегах Финского залива за счет уменьшения роли Архангельска.

В XVII в. экспорт из России носил большей частью сырьевой характер: торговцы везли на продажу лён, лес, пеньку, воск, селитру и др. товары. Важную роль в русском экспорте играли поставки зерна (рожь, ячмень, овёс), часто носившие не только коммерческий, но и политический характер. Также спросом пользовались экзотические товары восточного происхождения – плюш, юфть, шёлк, тафта и др. [16, p. 187]. Среди товаров, пользовавшихся спросом в России, лидирующие позиции занимали металлы (медь, железо) и мануфактурные изделия из них, начиная от якорей и замков и заканчивая оружием, потребность в котором была высока из-за перевооружения русской армии [11, с. 77]. В XVII в. Швеция стала ведущим экспортером изделий из металлов мануфактурного производства в Европе, а с учетом практически полного отсутствия

мануфактур в России шведская продукция становилась особенно значимой. Кроме того, постоянным спросом пользовались различные виды сукна, соль и алкогольные напитки (как крепкие, так и дорогие вина).

Согласно Столбовскому миру, за пределами шведских владений в Прибалтике и на берегах Финского залива русские купцы могли вести торговлю на Балтике только в Стокгольме. Таким образом, необходимость открытия российского торгового представительства, действующего на постоянной основе, стала крайне актуальной, и в 1637 г. в Стокгольме был открыт русский торговый двор, т.н. Русгорден [10, с. 33]. В свою очередь, в ряде русских городов (Новгороде, Пскове, Москве) уже в 1620-х гг. были открыты постоянные шведские торговые представительства [12, с. 92-94].

В 1640-х гг. взимание пошлин и продажа различных лицензий приносили Швеции около 3 тысяч рикталеров в год (в Нарве эта сумма превышала 5 тысяч) [16, p. 315]. В середине 1650-х гг. ситуация изменилась, и внешняя торговля Ниена значительно усилилась. В 1654 г. в Ниене только портовые пошлины составили 15 тысяч рикталеров (в Нарве – более 20 тысяч) [Ibidem]. Основной причиной такого резкого взлета стала торговая война между Англией и Нидерландами 1652-1654 гг., в ходе которой временно прервалась морская торговля через Архангельск. Для выхода на рынки Западной Европы русские купцы начали использовать порты городов Финского залива. По окончании морской войны торговые пути по Северному Ледовитому океану восстановились.

К сожалению, существует существенный пробел в изучении русской внешней торговли XVII в., и точные данные, позволяющие оценить полный объем товарооборота, приходившийся на Архангельск, с одной стороны, и на северо-западные порты, с другой стороны, отсутствуют. Тем не менее, исследователи сходятся в том, что большая часть российской внешней торговли во второй половине XVII в. вернулась в Архангельск, что, тем не менее, не означает скромного положения Балтийского моря в русской внешней торговле [Ibidem, p. 319-320].

Среди многочисленных причин русско-шведского конфликта 1656-1661 гг. стоит упомянуть и экономические причины. Именно недовольство русского купечества необходимостью торговать с европейскими партнерами в условиях посредничества со стороны Швеции, следовать ряду ограничений и предписаний и оплачивать взыскиваемые пошлины в значительной степени усилило реваншистские настроения в России. Несмотря на урон, нанесенный Ниену, город был быстро отстроен, и торговля снова вернулась в прежнее русло сразу после заключения Кардисского мира. Объем русско-шведской торговли продолжал увеличиваться, поскольку во второй половине XVII в. экономические отношения соседних стран были особенно интенсивны.

Каждый год через Ниен в Стокгольм отправлялось более сотни купцов, лишь немногие из них оставляли товары в Ниене, большинство лишь проезжали через город [15, p. 154-156]. Например, в 1675 г. столицу Швеции посетили 110 русских купцов [Ibidem, p. 159]. В последующие года интенсивность транзитной торговли продолжала возрастать.

Из Таблицы 1 видно, что доля шведских и западноевропейских торговых судов в торговле Ниена увеличивалась. Для сравнения рассмотрим данные по другим городам Финского залива и Риге, взяв за сравниваемый фактор число нидерландских кораблей (Нидерланды проявляли высокий уровень активности в морской торговле на Балтике).

Таблица 1. *Прибывшие и ушедшие из Ниена корабли в 1687-1696 гг.* [10, с. 154]

Год	Ушедшие русские суда	Ушедшие нерусские суда	Всего	Прибывшие суда
1687	28	34	62	21
1688	27	63	90	51
1689	28	36	64	24
1690	34	54	88	42
1691	37	57	94	37
1692	34	44	78	37
1693	20	54	74	45
1694	31	53	84	39
1695	29	49	78	31
1696	30	45	75	28

Из приведенных данных видно, что Ниен как центр транзитной торговли привлекал к себе достаточно большое внимание нидерландских купцов, количественно преобладавших среди прочих западноевропейских коммерсантов.

На протяжении второй половины XVII в. Ниен быстро развивался и превращался в крупный приграничный торговый город, но проходящие через него товарные потоки не сравнимы с соседними Ревелем и Нарвой, не говоря о Риге, ориентированной на обширный европейский рынок. Для сравнения товарооборота этих четырех городов рассмотрим данные о собранных шведскими властями лицензионных сборах, учитывая тот факт, что в Риге ставка лицензии была выше, чем в Таллинне, Нарве и Ниене. Если в последних лицензионный сбор и портовые пошлины составляли по 1% от стоимости товара, то в Риге – до 6% от стоимости товара [Ibidem, p. 160].

Таблица 2. *Количество нидерландских торговых кораблей, посетивших восточнобалтийские шведские порты в 1687-1696 гг.* [3, с. 32]

Год	Рига	Ревель	Нарва	Ниен
1687	248	20	60	16
1688	206	10	56	46
1689	159	34	16	17
1690	111	39	32	29
1691	120	40	86	19
1692	106	42	26	24
1693	173	57	31	31
1694	204	36	16	19
1695	160	30	49	17
1696	177	1	25	19

Таблица 3. *Лицензионные сборы в Риге, Ревеле, Нарве и Ниене (в рикталерах)* [6, с. 109]

Год	Рига	Ревель	Нарва	Ниен
1686	125 253	17 262	11 246	6 665
1689	92 812	22 542	9 855	7 266
1690	93 034	23 058	10 280	7 758
1692	103 327	22 851	12 490	8 066

Таким образом, можно сделать ряд выводов. В отличие от других подконтрольных Швеции городов на Финском заливе и в Прибалтике, Ниен был новым городом, созданным по инициативе государства с целью перевести российскую внешнюю торговлю из Архангельска в Балтийское море. Предпосылкой для выполнения этой политико-экономической программы Швеции было выгодное местоположение Ниена, несмотря на удаленность города от ведущих морских городов Западной Европы и некоторую отдаленность от Балтийского моря. В первые десятилетия своего существования Ниен был перевалочным пунктом в прямой российской торговле со Стокгольмом, но его роль многократно возрастала в случае остановки функционирования Архангельска, как, например, в начале 1650-х годов. Доля экспорта в Западную Европу (в значительной степени, за счет Нидерландов) постепенно увеличивалась во второй половине века, чему способствовал длительный мирный период перед Северной войной. Ниен достаточно быстро развивался, однако его роль в выполнении шведской экономической программы по возвращению российской торговли из Архангельска к берегам Балтийского моря под контроль Швеции не была определяющей. Развитие Ниена способствовало освоению Ингерманландии и укреплению шведских позиций на восточных границах региона Балтийского моря, также способствуя морской торговле, но развитие нового города не внесло существенных изменений в шведско-российские торговые отношения, т.к. большая часть русской внешней торговли на протяжении XVII столетия преимущественно приходилась на Архангельск.

Военно-политические последствия

Вхождение Ингерманландии в состав Шведского королевства отодвинуло русско-шведскую границу на восток. Под шведский контроль попали ряд приграничных крепостей, являвшихся опорными пунктами в оборонительной системе региона. Наиболее крупными и важными крепостями были Орешек (шв. Нотеборг), Корела (шв. Кексгольм), Ям (шв. Ямборг) и Копорье. Наличие готовых укреплений в значительной степени снимало со шведских властей необходимость строительства новых приграничных укреплений (в качестве примера таковых можно упомянуть Ниеншанц). В то же время, удаленность региона от центра шведского королевства, слабое развитие коммуникаций и низкая плотность населения в Ингерманландии существенно усложняли как снабжение крепостей, так и их поддержку в случае вооруженного конфликта. Несмотря на угрозу со стороны России, шведские власти не предпринимали больших усилий по увеличению обороноспособности приграничных территорий, что заметно проявилось в ходе русско-шведской войны 1656-1661 гг.

Война между Россией и Швецией стала результатом второго военно-политического последствия Столбовского мира: стремления России к возвращению утраченных территорий. Русское правительство отчетливо понимало необходимость возвращения доступа к Балтийскому морю для развития российской экономики, и военный реванш носил не только моральный, но и, в первую очередь, экономический характер. Уплата таможенных пошлин, невозможность коммерческих связей на Балтике с европейскими купцами без шведского посредничества и необходимость следовать установленным шведами правилам торговли создавали массу трудностей для русского купечества.

Летом 1656 г. русские войска под руководством воеводы П. И. Потёмкина внезапными ударами захватили Ниеншанц и Орешек. Тем не менее, к началу осени 1656 г. русские войска были вынуждены оставить занятые территории, не сумев развить наступление. Однако и после завершения активной фазы боевых действий к 1658 г. и заключения Кардисского мира шведские власти не предприняли мер по усилению участков

границы, продемонстрировавших свою уязвимость, в первую очередь, окрестностей р. Невы. Ниеншанц не был превращен в мощную крепость, по-прежнему оставаясь обычным комплексом укреплений [17, s. 145].

Учитывая стратегическое значение восточных границ Ингерманландии, подобная политика шведских властей имела ограниченное число причин: первая – уже упоминавшаяся периферийность региона со всеми вытекающими трудностями для масштабного строительства и вторая, напрямую проистекающая из факта заключения Столбовского мира. Этой причиной стала переориентация внешней политики Швеции на юг региона Балтийского моря. В условиях сначала вооруженного конфликта с Речью Посполитой за часть южного побережья Балтийского моря, а затем и вмешательства в Тридцатилетнюю войну Швеция не могла уделять развитию восточных рубежей государства достаточного внимания. Граница с Россией рассматривалась преимущественно с оборонительной точки зрения и носила выраженный второстепенный характер.

Весьма важную роль в обеспечении действовавших в германских землях шведских войск сыграли крупные поставки русского зерна в Швецию на льготных условиях, т.н. «зерновые субсидии» (подробнее см. [7]). Причины подобных действий русского правительства являются результатом определенного дипломатического сближения России и Швеции в 1620-х гг., в основе которого лежало наличие общего противника – Речи Посполитой. Швеция получила возможность прокормить большую армию, ведущую войну в Центральной Европе, не опасаясь, на определенный период времени, попыток реванша со стороны России. Поскольку подробное рассмотрение этого вопроса выходит за рамки данной статьи, сделаем обобщающий вывод: еще одним следствием Столбовского мирного договора стало «потепление» отношений между Россией и Швецией на определенный период времени (середина 1620-х гг. – 1640-е гг.) (подробнее см. [5]). Результатом в целом успешных для Швеции боевых действий во время Тридцатилетней войны стало многократное усиление политической роли шведского королевства на европейской политической арене, что можно отнести к числу отдаленных политических последствий заключения Столбовского договора, оказавшего большое влияние на дальнейшую шведскую политику XVII в.

Список литературы

1. **Гиппинг А. И.** Нева и Ниеншанц. М.: Российский архив, 2003.
2. **Жербин А. С.** Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск, 1956.
3. **Кюнг Э.** Ниен – центр транзитной торговли (1632-1703). Тарту, 2001.
4. **Лыжин Н. П.** Столбовский договор и переговоры, ему предшествовавшие. СПб., 1857.
5. **Миронова О. Н.** Русско-шведские дипломатические отношения в 1618-1632 гг.: автореф. дисс. … к.и.н. Нижний Новгород, 2009.
6. **Пийримяэ Х.** Тенденция развития и объем торговли прибалтийских городов в период шведского господства в XVII веке // Скандинавский сборник. Таллинн, 1964. Вып. 8.
7. **Поршнев Б. Ф.** Тридцатилетняя война и вступление в неё Швеции и Московского государства. М., 1976.
8. **Форстен Г. В.** Акты и письма к истории Балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях. СПб., 1889-1893.
9. **Шаскольский И. П.** Восстановление русской торговли со шведскими владениями в первые годы после Столбовского мира // Скандинавский сборник. Таллинн, 1966. Вып. 11.
10. **Шаскольский И. П.** Русская морская торговля на Балтике. М., 1994.
11. **Шаскольский И. П.** Торговля России с Прибалтикой и Западной Европой в XVII в. // Скандинавский сборник. Таллинн, 1966. Вып. 11.
12. **Шаскольский И. П.** Устройство шведских гостиных дворов в городах России после Столбовского мира 1617 г. // Скандинавский сборник. Таллинн, 1965. Вып. 10.
13. **Якубов К. И.** Россия и Швеция в первой половине XVII в. М., 1897.
14. **Янгфельдт Б.** От варягов до Нобеля. Шведы на берегах Невы. М., 2010.
15. **Heckscher E.** An Economic History of Sweden. Cambridge, 1963.
16. **Kotilaine J. T.** Russia's Foreign Trade and Economic Expansion in the Seventeenth Century. Oxford, 2005.
17. **Nilsson S.** På väg till miltärstaten. Uppsala, 1990.
18. **Roberts M.** Swedish Imperial Experience 1560-1718. Cambridge, 1979.
19. **Sundberg U.** Svenska freder och stillestånd 1249-1814. Stockholm: Hjalmarson & Högberg, 2002.

SOME CONSEQUENCES OF THE TREATY OF STOLBOVO FOR SWEDEN IN 1617 – THE 1690S

Gekht Anton Borisovich
The Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications
a.geht@yandex.ru

This article is devoted to the consideration of the main consequences of the treaty of Stolbovo for Sweden in 1617 – the 1690s. The author analyzes socio-demographic, economic and military-political spheres; highlights the fact that the treaty of Stolbovo is the first one in the series of advantageous for Sweden peace treaties securing the status of the great European power to the kingdom. This very agreement is the starting point for many political and economic processes that influenced the domestic and foreign policy of Sweden in the XVII century.

Key words and phrases: Sweden; treaty of Stolbovo; Ingria; Nyen; Nyenschantz.